

АЛЛЕРГИЯ НА КОШКУ

В редакции часто приходят письма читателей, в которых открываются тревога и боль за то, что происходит в стране и в городе, а главное в душах человеческих. Пишут люди всех возрастов. Ветеранам войны и труда претит повальное погружение в торгашество и неприкрытую спекуляцию, неумные накопительство и вещизм, лицемерие и цинизм, равнодушие и бездушие, жестокосердие, жлобство и ханжество — все то, чего у нас, как все мы знаем, более, чем достаточно. Молодые мучаются вопросами духовности и нравственности, совести и чести, достоинства и порядочности...

Понять можно и тех, и других. События последних бурных и нелегких лет поставили всех нас перед бездной вопросов и проблем, на которые в большинстве случаев пока просто нет ответа. Действительно, правы те, кто клянет наши судорожные реформы и перемены: со страшной силой порушено относительно ровное и, на первый взгляд спокойное течение жизни, раздавлен построенный предыдущими десятилетиями относительно мирный уклад десятков миллионов людей, произошло беспрецедентное ограбление пенсионеров, у которых инфляция поглотила практически все сбережения на трудовых книжках и, что греха таить, практически пустила их по миру, не оставив никакой финансовой возможности на собственные похороны. Похищено главное — уверенность в завтрашнем дне...

Понять можно и огромную армию людей

среднего поколения — многие оказались на грани безработицы со всеми вытекающими отсюда последствиями: как жить дальше, как кормить и одевать семьи, на какие законы опереться, кому верить и кого избирать, когда предыдущие кандидаты оказались с фигами в карманах? Вопросы, вопросы, вопросы... И кто же сегодня может дать на них хотя бы приблизительно верный ответ?

Но так же можно понять и тех, кто с головой окунулся в реставрацию и построение новой России. Действительно, гласность и открытость последнего времени показали такую огромную свалку пороков, бесовства и беспредела прошлых лет, что поневоле становится не по себе. Миллионы расстрелянных и безвинно замученных в лагерях, миллионы людей, превращенных в быдло и серую массу, униженных повальной уравниловкой и приплюснутых гигантской и не-

уклюжей государственной машиной. Миллионы плетев, лицемерно называемых свободными и погоняемых законшевой и ханжествующей номенклатурой. Какой же народ, подстриженный, словно газон, может стать процветающим и крепнувшим, когда по этому народу в любой момент может прокатиться асфальтовый каток выбранной им же власти? Или верить досужим сравнениям вроде: всякий народ достоин своего протельства? Или наоборот? Вся эта политизированная донельзя и заузная демагогия стала идеальной ширмой для нашей прежней уродливой государственной машины. И, естественно, так бесконечно долго продолжаться не могло. Стоило только выпустить из бутылки казавшееся бы доброго джина гласности, как он вырос до своих вполне естественных огромных размеров и расколотил эту бутылку вдребезги, потряс до основания эту несусальную государственную машину (заклещившую, кстати, в свое время его в эту самую бутылку!) и начал мстить всем нам неразумным за многолетнее равнодушие, доверчивость и леность, за слепое следование заупокоенным под благо догмам, за смертельно опасную стадность, граничащую с подлостью и трусостью...

Наивно было бы полагать, что после такого погрома установится тишь да благодать. Обломки этого суперсоциального, экономического, политического, нравственного и духовного взрыва еще долго-долго будут валиться на наши бедные и незащищенные головы. Ведь ни для кого не секрет теперь, что пока нам закладывали уши сладким пением и елеем в общем-то благородных, но на деле не претворяемых в жизнь идей (во многом даже отбрасывающих нас назад!) — другие народы, преодолевая свои естественные трудности, сумели уйти далеко вперед. И далеко не каждому из нас можно было разглядеть за железным занавесом ростки нового и прогрессивного, прийти в сравнении к каким-то разумным выводам. Да и занавес-то этот был скорее не для них, а

для нас, барахтающихся в навозной жиже идеологической лжи, обманутых сполком, замкнутых в огромном пространстве бичуемого Отечества.

К примеру, о технологическом и прочем отставании, плоды которого приходится пожинать сегодня всем нашим предприятиям. Вспомню 1975 год. На Магнитке решили выплавить дополнительный миллион тонн стали. Казалось бы, благое дело. Но многие здравомыслящие специалисты, понимающие, что нельзя становиться сырьевым придатком и до изнеможения гробить экологию, были против категорически. Следовало уже в то время переходить на новую качественную ступень, избавляться от дряхлых технологий, открывать новые производства, нацеленные на изготовление готовой продукции непосредственно здесь, на Магнитке, обеспечивая жителей города новыми разнообразными рабочими местами. Уверен, что проблема диверсификации не стояла бы нынче так катаст-

рофически остро. На деле же, выплавив мы дополнительный миллион, с разрушительным треском пропихнули его сквозь ворота прокатного передела (слябинг и блюминги), поставили на грань развала технологическое оборудование прокатных станов (да и многое, особенно из старья, развалили окончательно). О качестве металлопродукта речи уже не шло. Что потом было изготовлено из него (комбайны, машины и другое, которое государство тоже гнало в виде вала) — тоже понятно. Вся эта мрачная технологическая цепочка скорее напоминала замкнутый круг с бестолковым перебарыванием по нему земли нашим доблестным рабочим классом и интеллигенцией тоже...

Сегодня многие высказывают мнение о сокращении производства металла еще на несколько миллионов тонн, ибо сырье и топливо в огромных количествах возить на огромные расстояния стало не по карману. Высказываются и предположения о скорой обвальном безработице и о том, что надо хотя бы сегодня серьезно задуматься о создании новых рабочих мест. Звучат опасения и другого рода: Магнитка, металлургический монстр может поглотить самое себя, когда людям здесь нечем будет заняться. Ведь есть примеры других стран, в которых из-за неразумной эксплуатации природных и творческих ресурсов памятниками бесхозяйственности и головоутиательства остались пустые и мертвые города. Да и дай Бог начать эту огромную работу сегодня, ибо нормально жить и трудиться город сможет только к концу тысячелетия...

Наступила весна. Многие жалуются на аллергию. Аллергия на тальпий снег и прочее. У одной молодой женщины даже случилась аллергия на кошку. Завели в доме бедолагу, а хозяйку прямо-таки задавил кашель, аж в больницу слегла. Вскорости выписалась — опять та же история. После углубленной беседы с врачом, выяснили, что у женщины этой аллергия на кошку. Ну что ж, не помирить же человеку. Изгнали кошку! И долго она бродила с недоуменно-скорбным взглядом вокруг подъезда, пока не пропала вовсе...

Читаю редакционную почту и думаю: все-таки аллергия не такая уж страшная болезнь. Есть аллергия и пострашнее, хотя разновидности эти можно отнести к благородным. Попробую открыть перечень этих аллергий, хотя абсолютно уверен, что перечисленное не составит и тысячной доли.

Аллергия на равнодушие — ибо поток писем наших читателей не иссякает, в них тревога и боль за состояние дел в государстве. Аллергия на хамство, невежество, политическую трескотню, стяжательство и воровство, бездуховность и бездеятельность, лицемерие и цинизм, глупость и пыжливость, мерзость и подлость, измену и разврат, корысть и кощунство, узколюбость и беспамятство... Я думаю, что читатель с успехом сможет пополнить этот вечный и длинный список человеческих пороков, которыми так изобилует сегодня наше больное общество. Но врачи говорят, когда болит — есть надежда на выздоровление. И все мы живем и будем жить этой надеждой, потому что пока существует в нас подобная аллергия, мы — люди, мы живем и дышим, страдаем и чувствуем, любим и ненавидим, надеемся и верим, хотя и нет нам пока ответа...

А. ПАВЛОВ.

Таков уж удел редакций, что с анонимщиками они встречаются, пожалуй, чаще всех остальных. Если в не такие уж далекие времена по сигналу анонимщика начинали резво вращаться шестерни сверхчуткого застойного механизма, то уже несколько лет назад вышел специальный указ, предписывающий не рассматривать анонимки вообще. Поток анонимок несколько ослаб, но желание попытаться себя в этом недостойном эпистолярном жанре осталось у многих. Нет-нет, да и занесет с почтой в редакцию очередные лукавые изыски анонимщика. Ну ладно бы просто без подписи! А то ведь и доверительная подпись, и должность вроде бы, и адрес домашний. А на поверку вьжодит, что все это — мыльный пузырь. Начнешь разыскивать — ищи ветра в поле! В общем-то понятны устремления анонима: ущипнуть, укусить, ударить, а самому же остаться в тени. В одном случае это трусость, в другом — осторожность (подчас вполне объяснимая), в третьем — подлость, в четвертом — идиотизм, в пятом — болезнь и прочее. Но во все времена анонимка считалась мерзостью. Сегодня мы предлагаем читателю материал одного из наших авторов.

Пастырское вразумление

Больше ста пятнадцати лет тому назад пастырский журнал «Оренбургские епархиальные ведомости» обратился к «авторам безымянных писем» и спокойным, назидательным тоном настаивал: «В законе говорится, что «по доносам в безымянных пасквильных и подметных письмах не должно производиться следствия, но получивший такое письмо обязан, не читая, истребить его и объявить о нем полиции, а безымянный сочинитель этого письма открытой полицией, отсылается к суду уголовному...» Значит, кто посылает другим безымянные письма, тот поступает противозаконно, притом совершенно напрасно потому, что по таким письмам «не

может быть никакого делопроизводства и они должны оставаться без всяких последствий».

Другим тоном с анонимщиками разговаривала революция: Шей июнь 1918 года. В нашем крае разгоралась гражданская война. В 31-м номере газеты «Известия Верхнеуральского Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов» появилось объявление: «Для сведения жителей г. Верхнеуральска. На мое имя получается много писем как деловых, так и частных, среди которых встречается большая часть жалоб и прочее без всякой подписи и точного адреса подателя.

Считая подобные письма и жалобы незаконными, почему и не подлежащими исполнению, я по прочтении их уничтожаю. А поэтому, доводя об изложенном до сведения жителей города Верхнеуральска, предлагаю в будущем не затруднять меня неосновательными письмами и жалобами без подписи и точного адреса отправителя, так как они будут оставаться мною без последствий.

Председатель Совдепа — коммунист Н. Иванов».

На пороге обвальной перестройки войну анонимщикам объявил журнал «Крокодил». Об этом он сообщил в последнем ноябрьском номере 1987 года: «Товарищи читатели! Крокодил принял решение впредь анонимные письма не рассматривать. Он будет отправлять их в корзину. Все до единого!

Подписанные письма Крокодил будет читать с удвоенной энергией и вниманием. Ждем ваших писем!»

Воинственность «Крокодила» вдохновила автора этих строк и родилась «Эпитафия анонимщику»:

*Лежит под тяжким камнем сим
Почивший в Бозе Аноним —
Завистник, карьерист и мститель,
И давний Кляузы сожигатель.
Была в нем яростная сила,
Да нарвалась на «Крокодила».
Теперь вот здесь его последний пункт —
Прохожие, остановитесь, поклонитесь!*

Но похоронен ли на самом деле анонимщик, свободно ли от него наше общество, время анархистствующей гласности?

Аноним

*Случилось раз безбожному Лгуну
Увидеться с наглешей Клеветой.
Присели, оба взвыли на Луну,
Но волка волк не перевоюет...
К ним подлетел, как херувим,
И стройный — талией оса —
Высокоправный Аноним —
Воинственный корсар.
Покашлял, те его узнали,
Но ухом не ведут, каналы.
Он гибкой, верткою гадюкой
Пробраться в души тщится.
Дела и речи горше лука,
На все святое злится...
И отвернулись Лгун и Клевета,
Презреньем одарили Анонима:
— Хотя и мы без Бога и Креста...*

*Ты проходи, красавец, мимо!
Нам быть с тобою не пристало!
Мы, честно обоглав кого,
Не прячем лица под забрало
И прямо смотрим на врагов,
Не то, что трусы — анонимы.
А потому вы нам не поворотим!
В друзья к нам лучше не клепись,
Гони подальше эту мысль...
Мораль прозрачна и проста:
Судите сами, кто есть Аноним,
Коль Ложь и Клевета
не породнились с ним!*

В. БАКАНОВ.

